

Вне всяких сомнений, мое имя в самом скором будущем станет нарицательным. И произойдет это, надо полагать, усилиями сэра Артура Конан Дойла.

Но разве мог я тогда, в конце семидесятых, представить, во что выльется наше знакомство...

Это произошло году в 1878—1879. Я был студентом Эдинбургского университета. Тогда-то мы и встретились: сэр Артур Конан Дойл и я. Чуть позже к нам присоединился Джордж Бадд. С ним я сошелся еще короче. Видимо, сказалось родство темпераментов: необыкновенно волевой, целеустремленный, одержимый самыми невероятными проектами, он всех кругом заряжал своей энергией. А его способности мыслить логически мог позавидовать любой. Наше сходство не раз с улыбкой подмечал сэр Артур. Впрочем, немало общего он находил у меня с нашим университетским преподавателем доктором Джозефом Беллом. Не скрою, наблюдательность Белла, манера держаться, умение «прочитать» историю человека, только окинув его взглядом, — всегда были предметом моего восхищения. Это действительно было то, чему хотелось подражать!

Поговаривают, и с самим сэром Артуром мы были похожи — внешностью, чертами характера, складом ума. Один великий писатель сказал о нем: человек «большого сердца, большого роста, большой души».

Сравнение с сэром Артуром мне льстит, хотя то, что связывало нас недолгие годы учебы, нельзя было считать дружбой в собственном смысле этого слова. Это было скорее взаимное любопытство, основанное на общности интересов. И он, и я были молоды. Мы оба пережили не один духовный кризис, прежде чем труды Огюста Конта, Дж. Стюарта Милля, Томаса Гексли и Герберта Спенсера не сделали нас адептами позитивизма.

Но о Милле я просто обязан сказать особо. Ведь именно он в своем труде «Система логики» разработал методы индуктивного исследования, полагая, что именно они являются умственным инструментом всех наук.

Именно индукция — логическое умозаключение от отдельных фактов к обобщениям — легла в основу моего метода. И это как раз то, что старина Уотсон упорно называл в своих записках методом дедукции. Но оставим эту терминологическую путаницу на его совести!

Итак, мы изучали одни и те же дисциплины: химию, биологию, медицину и все, что им сопутствует. И мы действительно внешне с сэром Артуром были похожи. Он был высок, выше шести футов, и так худ, что казался еще выше. У него было довольно худое лицо с крупным ястребиным носом и небольшими близко поставленными глазами. Временами он был несколько чопорен и по-хорошему высокомерен, когда в кругу сверстников-студентов всячески подчеркивал свое древнее происхождение и былые заслуги семьи. Еще бы! В романах Вальтера Скотта упоминались имена далеких предков сэра Артура, а в британском «Словаре национальных биографий» значатся пять представителей фамилии Дойлей. Нас же с Баддом геральдика и генеалогия волновали столь же мало, как, впрочем, и литература. Кто бы мог подумать, что в сэре Артуре писатель победит врача, а мы ему в угоду станем в той или иной степени литературными персонажами.

Тут следует опять вернуться ко всеобщему университетскому любимцу, чудаковатому Беллу. Именно ему, отгадчику чужих тайн, прислал сэр Артур свои первые литературные опыты, которые были одобрены старым профессором. Но ни он, ни я не могли угадать в одаренном студенте писателя Артура Конан Дойла, который сыграет в моей судьбе такую странную и неоднозначную роль. Я знаю, что еще в университете сэру Артуру удалось кое-что опубликовать. Ради любопытства и из дружеского расположения к сэру Артуру я перелистал его первые рассказы, но ничего полезного для себя от этого чтения не получил. Впрочем, как мне кажется, и в памяти самого автора они не оставили существенного следа.

После окончания университета наши пути разошлись. Я уехал в Лондон и поселился постоянно на тихой улочке Бейкер-стрит 221-б, а наша странная дружба, вернее взаимное любопытство, с перерывами, часто от меня не зависящими, продолжается вплоть до нынешнего, 1927 года.

Вторично мы с сэром Артуром встретились в 1887 году, когда нашу давнее дело, которое доктор Уотсон впоследствии почему-то очень изящно назвал «Этюд в багровых тонах», привело его к нам на Бейкер-стрит. Профессиональный писательский дар сделал его помощь моему «летописцу» Уотсону незаменимой. Его замечания и редакторские поправки сделали «Этюд» таким, каким он полюбился нескольким поколениям читателей.

И именно последующим отсутствием редакторского глаза сэра Артура я могу объяснить те подчас курьезные неточности, которые закрались в записи доктора Уотсона. Причем особенную невнимательность Уотсон проявляет в отношении себя. Так, в «Этюде в багровых тонах» он сам говорит, что был ранен в плечо. И вдруг в «Знаке четырех» у него при перемене погоды начинает ныть раненая нога. У него была собака, а потом бесследно исчезла. Хотя с собаками это

случается. Но гораздо хуже, что подобная участь постигла и его собственного сына, упоминание о котором промелькнуло в рассказе «Человек с рассеченной губой». Мальчика, похоже, просто не было. И все это не считая множества мелких неувязок, которые, по счастью, совершенно не меняли сути дела. А уж историю со своей женитьбой он просто выдумал и, верно, пожалел об этом. Иначе зачем ему надо было уморить бедняжку во цвете лет? Да и мог ли он позволить себе такую роскошь, как женитьба, следуя за мной повсюду, точно Санчо Панса за Дон-Кихотом? Такой образ жизни под силу лишь завзятым холостякам. Старина Уотсон проявил чудеса личной преданности, норовя при этом максимально уйти в тень. Хотя у него на это было меньше оснований, нежели у простоватого компаньона того маленького забавного бельгийца, с чьим расследованием мне недавно довелось ознакомиться. У него еще несуразное мифологическое имя и довольно смешная фамилия¹. А между тем он один из немногих, кто сумел на практике применить мой метод. Его внимание к своим «маленьким серым клеточкам» поистине восхитительно!

Что касается Уотсона, то меня он почему-то все время норовил обуздить. Его собственное представление о том, каким должен быть сыщик, явно ему мешало, а мне — вредило. Я совсем не тот ограниченный субъект, чья потребность в высоком удовлетворяется пиликаньем на скрипке! Однако этот вариант трактовки моей персоны скоро рухнул. И в самом деле, не стану же я ради того, чтоб вписаться в заданный образ, отказывать себе в удовольствии процитировать лишний раз классиков, симпровизировать на скрипке или успеть в оперу ко второму акту!

Итак, начиная с 1887 года Уотсон создавал нечто вроде энциклопедии человеческих страстей и пороков. Из расследованных мною почти пятисот дел он только некоторые «облек в литературную форму». Разумеется, не без помощи сэра Артура, к тому времени уже известного писателя. И сообщая они предали их гласности. Не знаю, чем руководствовался доктор Уотсон, начисто лишенный писательского тщеславия, но сэра Артура понять могу. Ему захотелось таким образом немножко подразнить, взбудоражить старую благоденствующую викторианскую Англию с ее однообразными буднями так, как это делали Стивенсон, Киплинг, Уайлд. Преступление, которое багровой нитью пересекает серое полотно повседневности, — вот что привлекло сэра Артура! И конечно же, его привлекала мрачная фантастичность некоторых расследованных мною преступлений.

Не скрою, огласка польстила моему самолюбию. Я в полной мере ощутил себя актером, вышедшим к публике на поклон в свете софитов. Ведь моя профессия подразумевает актерство. Сколько раз, отправляясь на расследование, мне приходилось принимать облик то нищего, то матроса. А чтобы понять логику преступника, сколько раз

---

¹ Холмс имеет в виду Эркюля Пуаро. «Эркюль» в переводе с французского — Геркулес, а «Пуаро» — лук порей.

приходилось мне влезать в его шкуру! Воистину, приобретя в моем лице знаменитого сыщика, мир лишился не менее знаменитого преступника. Наверное, что-то есть в самом английском воздухе. Англия — родина величайших актеров Дэвида Гаррика и Генри Ирвинга. И, кстати, именно Ирвинг сыграл главную роль в пьесе сэра Артура Конан Дойла «Ватерлоо», именно с Ирвингом сотрудничал одно время Брэм Стокер, автор «Дракулы» — нашумевшего романа, в котором я лично не нахожу ничего особенного.

Однако огласка моих дел принесла мне и немало хлопот. С тех пор как мой брат Майкрофт привлек меня к распутыванию преступлений, в которых были замешаны и особы королевских кровей, и государственные деятели, я, так же как и он, перестал принадлежать себе.

Последствия неосторожного поступка сэра Артура не замедлили сказаться. Я вынужден был уехать в Европу, путешествовал, оказывал мелкие услуги того же рода, что и в Англии, коронованным и некоронованным особам, совершенствовал свои познания и следил издали за жизнью сэра Артура и милого моему сердцу доктора Уотсона. И только чрезвычайные обстоятельства заставили меня вернуться на Бейкер-стрит, в нашу квартиру, которая уже начала становиться местом паломничества, а для меня была и есть образец домашнего тепла и уюта. Как тут не процитировать Честертона: «Идеал уюта — идеал чисто английский... уют поэтичен тем, что содержит в себе идею защиты...»

Итак, мы встречались и переписывались с сэром Артуром на протяжении почти пятидесяти лет. Сэр Артур инсценировал как у нас в Англии, так и в Америке многие мои дела, превратив в театральное действие некогда случившиеся трагедии. А я решил отойти от дел. Изменилось время. Изменились преступления. Наверное, я устал. Да и мое пристрастие к морфию и героину, с которым так трогательно боролся доктор Уотсон, сделало свое дело. На днях я отдал сэру Артуру свой архив. Не сомневаюсь, он найдет ему применение. Что до нас самих...

Минула добрая четверть нового, двадцатого века. А мы были и остаемся представителями старой викторианской Англии со всеми ее нестрашными недостатками и великими достоинствами. Пусть нас такими и запомнит мир.

1927 год, Лондон, Бейкер-стрит, 221-б

Herlock Holmes